

Я помню...

Борис ЛИПОВ

Борис Ехиельевич Липов родился в 1936 году в городе Улан-Удэ.

В 1955 году после получения диплома по специальности «Техник-строитель промышленных и гражданских зданий» был направлен на работу на строительство Байкало-Амурской магистрали, где некоторое время трудился десятником и прорабом. Тогда же был принят во Всесоюзный институт железнодорожного транспорта на заочное отделение. После БАМа Борис Ехиельевич работал в Иркутске в различных строительных и проектных организациях. В октябре 1968 года поступил на работу в Министерство энергетики и электрификации СССР – Главниипроект, в Братский филиал Всесоюзного Государственного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института ГИДРОПРОЕКТ. С 1971 года Борис Ехиельевич Липов – руководитель группы промпредприятий и главный специалист с исполнением обязанностей заместителя главного инженера проектов. Принимал участие и руководил разработкой проектов промпредприятий Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС.

Член Философского общества РФ. Автор 5 книг по физике и философии. В 2016 вышла из печати книга «Физика вещества и пространства», в которой изложена созданная автором Единая теория гравитационного и электромагнитного поля.

Улан-Удэ 1940-1941 гг. Год до войны

Я помню сосновый лес и то, как мы с отцом собираем шишки для самовара. Наш дом стоит на высокой горе, и если раздвинуть шторы, то можно увидеть раскинувшийся под окнами сосновый лес, а погода почти всегда солнечная. Меня зовут Боря, мне пять лет, у меня есть младшая сестра Оля, и ей четыре годика. В марте 1941 года родился братик, и мы все дружно назвали его Володей. Родился он, как и мы с сестрой, в роддоме города Улан-Удэ.

В доме на горе мы жили не всегда. Мама рассказывала, что они с отцом сначала жили в Читинской области, затем на станции Горхон. Я тоже какое-то время жил там с родителями. Мама вспоминала, как однажды я потерялся, и нашли меня в нескольких километрах от станции, на железнодорожных путях. Так с рождения я был, благодаря отцу, который работал начальником дистанции пути, связан с железной дорогой, и это были не самые плохие мои годы.

До того, как мы переехали в дом на горе, наша квартира находилась у железнодорожной станции города Улан-Удэ. Рядом жили наши друзья Ширшовы, к которым я часто ходил в гости, когда был маленький. Мама рассказывала, что она, бывало, всего наготовит – готовила она очень вкусно – а я дома плохо ем, зато у Ширшовых с удовольствием уплетаю картошку «в мундире».

Я помню, что в том доме у станции мама топила «титан». Это такая печь для нагрева воды, как большой самовар, и топят его маленькими чурочками. Ванна у нас была огромная. Мы с сестрой любили забираться к отцу, когда тот принимал ванну, и плескались все вместе, счастливые. Потом отец мылся под душем, а мать нас домывала и вытирала.

В свободное время папа мастерил из реечек и бумаги самолётики с резиновым мотором. Мы их запускали и были счастливы. На железнодорожной станции осенью продавали яблоки из Средней Азии, по рублю штука.

Часов ручных в те годы почти ни у кого не было, поэтому большинство жителей проверяло время по приходу поездов, поезда ходили точно по расписанию. У отца были часы «луковица», он носил их на цепочке брюк в специальном кармашке, а дома у нас были, как мне казалось, роскошные маятниковые часы с пружинным заводом. В основном у большинства жителей были дома часы с двумя гирьками, они также показывали довольно точное время.

А время было такое, что всё было дефицитом, и многое давали в магазинах хотя и за деньги, но только по карточкам: одежду, обувь, ткани, мебель и самое большое богатство – велосипеды.

У нас дома был платяной шкаф и диван, обитый дерматином, качественный и красивый. Был роскошный письменный стол с двумя тумбочками и выдвижными ящиками в них, покрытый зелёным сукном, была никелированная кровать родителей с пружинным матрасом. Как я теперь понимаю, всем этим мы смогли обзавестись только потому, что отец был пусть и небольшой, но всё-таки начальник на железной дороге.

В одной из тумбочек письменного стола хранилась коробочка с конфетами. Конфеты были большой редкостью в нашем доме, и мы с сестрой потихоньку таскали их из коробки, пока родители не видят.

Окна нашего дома, как и большинства домов, закрывались на ставни, которые крепились железной пластиной на шарнире. Через отверстие в пластине продевался внутрь в комнату болт, он в свою очередь крепился щеколдой. Зимой за ночь болт покрывался изморозью молочного цвета, как мороженое. Однажды я решил её лизнуть, язык тотчас прилип к болту, и отодрать его можно было только с кровью. Моих воплей был полон дом, но зато я получил урок на всю жизнь.

Потом мы переехали в большой дом с громадной верандой. Этот дом стоял выше станции на взгорке рядом с сосновой рощей. Именно там мы с отцом собирали шишки для самовара. Примерно в это время мы с сестрой переболели корью. Окна были зашторены, и дома царил уютный полумрак.

Наступила весна, потом лето, а потом началась война. Все боялись, что на нас нападут японцы. Взрослые рыли траншеи – убежища на случай бомбёжки. Соседский мальчишка столкнул меня в одну из таких траншей, и я попал в больницу, из окон которой была видна река Селенга. По ней ходили корабли, похожие на утюги. Они напоминали мне тот утюг, который имелся у нас дома. В него насыпали угли и гладили бельё, а ещё у нас был маленький утюг, который грели на плите.

Потом, правда, мама рассказывала мне, что в больницу я попал не из-за падения и ушиба, а из-за какого-то отравления. Заставить нас мыть руки была проблема, несмотря на то, что в доме был умывальник, и всегда была вода. Это был первый и последний год моей спокойной и счастливой жизни, который я помню. Северо-Муйские огни №5 (63) сентябрь-октябрь 2017 год

Тайшет 1941-1945гг. Война

Отца назначили заместителем начальника дистанции пути на большую узловую железнодорожную станцию Тайшет. Контора дистанции пути находилась через два дома от того места, где мы жили на тот момент, но папу своего мы почти не видели. На железной дороге все, кого можно, были призваны в Красную армию, поэтому оставшиеся на обслуживании железной дороги рабочие и служащие работали практически без отдыха.

Железная дорога делила город Тайшет пополам. Она имела пассажирскую станцию и вокзал, товарную станцию с сортировочной горкой, большое количество маневровых путей и локомотивное депо. Железная дорога была основным производством и основой города.

Южнее железной дороги находился центр города, такой же пыльный и неблагоустроенный, как и весь Тайшет. Здесь можно было найти горком партии, исполком, военкомат, милицию, – в общем, весь набор учреждений, которые положено было иметь любому районному центру в те годы.

Восточнее районного центра располагались учреждения знаменитого «Южлага»: небольшой посёлок двухэтажных деревянных домов и лагеря заключённых. В основном это были пересыльные, лишь немногих из них оставляли для местных нужд самого «Южлага», железной дороги и района. Невидимая посторонним, бесплатная рабочая сила.

Район, где жили железнодорожники, находился с северной стороны путей. В нём традиционно имелась своя баня, своя система водоснабжения, магазины, пекарня, больницы и поликлиники, школы и детские сады. Это было государство в государстве, призванное обеспечить всеми доступными средствами

в любое время года круглосуточную, бесперебойную работу железной дороги, связывающей Россию с Сибирью и Дальним Востоком.

Гражданских самолётов, как и гражданской авиации в целом, которая перевозит значительное количество пассажиров в настоящее время, в те годы не было. Не было и нормальных автомобильных дорог. Был один лишь Московский тракт. По нему, наверное, можно было бы добраться из России на автомобиле до наших мест месяца за два-три, но и то не в любое время года. И надо думать, что затем такую машину пришлось бы отправлять в металлолом.

С восточной стороны от нашего железнодорожного посёлка на краю города находился шпалопропиточный завод. На заводе громадные дисковые пилы пилили брёвна-заготовки для шпал, обрезая бревно с четырёх или двух сторон. Затем белые после пиления шпалы укладывали на вагонетки и загоняли в автоклавы, где их пропитывали ядовитым креозотом, чтобы они не гнили. Креозот убивает микробов и насекомых, да и вообще всё живое. Тысячи белых и чёрных пропитанных шпал горами лежали на складе завода.

На больших станциях, таких как Тайшет, где поезда заправлялись углём и водой, всегда была водонапорная башня, а, следовательно, водозабор и сети водоснабжения. Помимо бань, которые имели мужские и женские отделения, водой снабжались и дома железнодорожников, построенные ещё при царе.

Толстые брусья стен снаружи были обшиты вагонкой, а затем в несколько слоев окрашены золотистой охрой. Изнутри брус был обшит толстым войлоком, по нему была нашита дранка и сделана штукатурка. Эти дома были очень тёплые и не продуваемые. В каждой квартире была большая ванная комната с красивым полом из наборных керамических плиток, титан, большая ванна и унитаз.

Комнаты отапливались печкой «голландкой» на угле. Топки этих печей выходили в коридор, а со стороны комнат «голландки» были облицованы изразцами. Топили их вечером за два часа до сна. После того, как уголь разгорался, поддувало и топка герметично закрывались на задвижку на резьбе. Уголь проходил процесс коксования и медленно сгорал, согревая комнату всю ночь. Толстые стенки печи долго держали тепло, но вечером уже надо было снова топить.

В Тайшете в нашей квартире кухня была небольшая, почти всю её занимала стоявшая посредине русская печь, совмещённая с плитой. В ней мама варила в чугунках картошку и изумительные борщи, томила топленое молоко. В суровые военные годы холодными зимними ночами я вместе с братом и сестрой спал на этой тёплой печи. Вход на кухню был через небольшие холодные сени, а под кухней было подполье, которое вмещало до полутора мешков картошки.

Со стороны железной дороги дом имел большой палисадник, где росла трава и главным образом тополя. Со стороны конторы тоже была большая тополиная роща, и мальчики любили по ним лазить. Однажды подо мной обломилась ветка, и я упал вниз головой в мягкий слой опавших листьев. Мне повезло, но шишку на голове я всё-таки заработал, а через несколько месяцев обнаружил на этом месте небольшую вмятину, она осталась у меня навсегда.

Родители, приехав в Тайшет, распродали почти всё своё имущество и, истратив все накопления, купили корову. Корова была средней величины, чёрная с белыми пятнами, комолая – без рогов. Она давала изумительно вкусное молоко, в среднем по ведру утром и вечером. Мать постепенно приобрела поросят, кур и гусей. Во дворе у нас была собака, а в доме кошка. На кухне стоял специальный стол – курятник, где зимой зимовали куры.

Когда пасший стадо наших коров пастух болел, то пастись коров в ближайший лесок, находившийся километрах в двух от окраин посёлка, выгоняли мы, дети. Мама давала мне с собой полулитровую или литровую бутылку молока и небольшой кусок хлеба. Это был мой обед до вечера на целый день. Сколько я себя помню, с того времени, как началась война, в детстве мы всегда были голодные. Помню, как мы лежали на полянке, наблюдая за пасущимися коровами, и рассуждали о том, выступит ли на животе мёд,

если его покушать, если живот греется на солнце. Но мёд в те годы нам перепал редко, а сахара почти и вовсе не было. Было нам на тот момент лет по восемь-девять.

Но как бы то там ни было, это была наша любимая Сибирь! В лесу зрели ягоды, росли грибы и кедровые орехи, в реках и озёрах водилась рыба, а над головой – чистое небо в лёгких облаках и воздух, напоённый ароматом трав и сосны. Северо-Муйские огни №5 (63) сентябрь-октябрь 2017 год

Корову и прочую живность держали на большом хозяйственном дворе, в конце которого находился сарай для дров и угля с подвалом для хранения овощей. Рядом стоял сарай для скота с сеновалом на втором этаже. За сараями раскинулся огород с грядками овощей, среди которых были, в том числе, и навозные грядки. В них сверху посредине насыпали чернозём, в который высаживали огурцы, на ночь в холодные дни эти грядки укрывали стёклами.

За нашим огородом находился железнодорожный парк с танцплощадкой, окружённый высоким забором. В левом верхнем углу парка был железнодорожный клуб, в котором показывали кино и проходили собрания, работала самодеятельность. Поскольку шла война, и парк был пустой, то местная детвора сделала его местом своих игр.

Фруктов не было, а выращивание овощей стоило большого труда, но этот труд окупался витаминами, здоровьем, жизнью. Овощами, главным образом картошкой, кормили людей и скот, а коз и коров подкармливали ещё и травой, поэтому хоть немного и не всегда, но у нас было мясо, в основном в осень и зиму.

Картошку нужно было посадить, окучевать, выкопать, просушить и собрать в мешки. Весной отец копал лунки под посадки, а я ходил за ним следом и кидал в эти лунки картофелины. Смеркается, почти ночь, а мы всё ходим и ходим, голодные, едва не падая от усталости.

Осенью же идёт мелкий дождь, холодно, сыро, земля мокрая и тяжёлая. По полю расставлены мешки. Отец выкапывает лопатой картошку, а я должен очистить её от земли, сложить в ведро, отнести и засыпать в мешок. Когда не успеваю, помогает отец, потом снова берёт лопату и копает, а я иду следом – собираю. Холодно, сыро, идёт дождь.

Так выживали те, кто готов был бороться. В Сибири не умирали от голода, но умирали от слабости и болезней во время суровых военных зим. С топливом, несмотря на то, что кругом был лес, было нелегко, и трудно представить, чтобы в эти годы кому-то было по-настоящему тепло. Зимой мы, дети, ходили и дома и на улице в валенках, закутанные во что попало. Девочки и женщины заворачивались в шаль, а зачастую и мальчики. Пережить зиму было не просто.

Всё было дорого и редко: на железнодорожной станции, человек из Средней Азии продавал урюк – по рублю штука. Хлеб давали, как и многие продукты, за деньги и по карточкам. Много позже, ближе к концу войны, а может, уже и после, мама продавала молоко на станции, выменивая за три литра молока одну булку хлеба. И налоги, налоги: нужно было сдать столько-то масла, мяса, яиц, шкуры и так далее. Ели то, что оставалось, и так выживали.

У дистанции пути было своё подсобное хозяйство, где путеобходчик с помощью рабочих в их свободное от смен время заготавливал продукты, которые потом делили на равные части и раздавали тем, кто в подсобном хозяйстве работал или чем-то ему помогал. Но мой отец, его начальник и мастера пути не были свободны никогда. Они были круглые сутки заняты путями, их ремонтом и эксплуатацией, а также другими всевозможными делами, обеспечивающими безопасность движения поездов.

Пока отец был дома, всё было как-то нормально, но в начале 1944 года его забрали в армию. Эту зиму не забуду никогда. Мне было восемь лет, из детей я был старшим. Дома поселились страх и неуверенность. По району шастали банды воров, и мы часто слышали, как они ломались к нам в окна, закрытые ставнями. Тогда мама звонила дежурному в контору и просила помочь. Воровали из сараев всякую живность. Людей убивали безжалостно и ни за что.

Летом мы ходили на речку, либо мама грела воду и мыла нас в ванной, поливая из ковша. Осенью меня должны были отправить в школу, и чтобы как следует отмыть, остригли под ноль, после чего мама повела меня в баню. И хотя я помню, что девочки нравились мне с восьми лет, я не обращал никакого внимания на моющихся женщин, но они выразили неудовольствие моим присутствием, поэтому с того времени я ходил в баню один с мужчинами.

В этот год я пошёл в школу, мама была занята хозяйством, и ей было не до нас. Что я делал в школе и чем занимался, я не помню. Я был домашний и скромный мальчик-бука, и в школе у меня друзей было мало или не было совсем. Всем для меня была наша семья.

Однажды весной в марте-апреле учительница обнаружила, что я не знаю букв, а, следовательно, не умею ни читать, ни писать. Пришлось пойти в библиотеку и взять книжки. Серия тоненьких книжек называлась «Книжка за книжкой». Через месяц я уже свободно читал и писал, правда, такими каракулями, что потом учился писать красиво ещё многие годы. Книжки были в основном российских классиков, это были печальные рассказы о жизни простого обездоленного народа, хоть самому плачь.

Когда я научился читать, то мы стали ставить на притолоку печи, на которой мы, дети, втроём спали, керосиновую лампу, и я стал читать печальные рассказы, вызывающие громадное сочувствие к их героям. В те суровые военные годы эти печальные рассказы соответствовали духу времени. Всё больше появлялось на нашей узловой станции бесприютных калек войны. Дети толпились гурьбой, слушая их жалостливые песни под баян или аккордеон, и собирали копейки в их шапки. Но много было и подделывающихся под них всяких «блатных», от которых мы научились таким песням, что и не приснится современной молодёжи.

Развлечений у нас не было никаких. Мама сшила из ваты сестре куклу и постоянно её чинила. На моём трехколёсном велосипеде ездили все, от пяти до пятнадцати лет. Он постоянно ломался, и отец носил его на работу варить электросваркой. Когда он ушёл в армию, велосипед сломался окончательно, и я не помню, куда он исчез.

Летом самое большое удовольствие было ходить на озеро, образованное небольшой плотиной для насосной станции водоснабжения на реке Тайшетке, притоке знаменитой Бирюсы. Озеро было неглубоким, но живописным. По его берегам в густых зарослях росли малина, смородина, недалеко черемша и щавель. Вокруг в лесу была черника и голубика, осенью – грибы. Летом мы вставали поздно и, позавтракав, собирались в стайку по десять-пятнадцать ребятшек, чтобы пойти на озеро за два километра. Шли босиком по тёплой пыльной просёлочной дороге. По сторонам трава нам по пояс, ватага растягивалась, так как Северо-Муйские огни №5 (63) сентябрь-октябрь 2017 год

младшие постоянно отставали, и их приходилось поджидать, а возраст был от двух-трёх лет до десяти-пятнадцати лет. Плавать я научился, как и все мы, как-то незаметно, и когда вспоминаю, как будто ходил и плавал всегда.

На мелководье вода прогревалась как парное молоко. Однажды у плотины, где приличная глубина и холодная вода, я кому-то расхвастался, что хорошо плаваю. Большой, взрослый парень схватил меня, и ни слова не говоря, бросил в воду, я вынырнул и выплыл на мелководье, но до сих пор помню страх падения и обжигающую после солнечной жары, ледяную воду на глубине у плотины.

На нашей станции, на боковой ветке стояли паровозы разных марок, среди которых был и паровоз серии «ЕЛ». Мы называли его Еленой. Самыми мощными были локомотивы «Феликс Дзержинский» и «Иосиф Сталин». Мы там играли, бегая по паровозам и вагонам, иногда ходили по путям и собирали в мешочки просыпанные там и тут кусочки угля. Как я уже говорил, голодные мы были всегда, иногда рабочие давали нам пожевать жмых подсолнечника, который куда-то везли в вагонах. Врачи выписывали детям от цинги рыбий жир. Это было ужасное пойло, так как жир был не рафинированный и плохо очищен, мама иногда на нём что-нибудь жарила, потом противный запах стоял в доме.

Однажды зимой на крайней ветке станционного пути то ли разбили цистерну с подсолнечным маслом, то ли пустили её под откос. Все дети железнодорожников, чужих не пускали, ходили собирать

снег, пропитанный золотистым подсолнечным маслом, и я ходил несколько раз. Мама топила снег на плите и сливала масло в кастрюлю. Я не помню, сколько масла было собрано, но помню изумительный аромат, когда мама жарила на нём картошку. Это был большой праздник для нашей полуголодной семьи. Худющие мы были невероятно. Худые были даже на фото в начале пятидесятых годов. Мама всегда плакала, глядя на эти снимки.

Тайшет 1945-1946 гг. Победа. После войны

Это были трудные годы, когда не было с нами отца. Он пришёл незадолго до Победы, совсем незнакомый, другой: суровый и молчаливый человек. Через много лет он однажды сказал, что восстанавливал мосты и дороги, и когда немцы бомбили, укрыться было негде. Многие его друзья и сослуживцы гибли на глазах, и ничем нельзя было их защитить, кому-то везло, и это было чудо, что кто-то вернулся живым. Видимо тогда же он узнал о гибели своих родителей в Белоруссии в городе Речице. Все здоровые мужчины этого маленького городка ушли на фронт или в партизаны.

Я помню моих дедушку и бабушку по их фотографии, которая сохранилась в альбоме моих родителей. Это милые старички невысокого роста, есть фотографии, где я с сестрой у них на руках, среди зарослей кукурузы. Папа рассказывал, что мой дедушка со своими старшими сыновьями ходил по сёлам и деревням и клал печи. Кем потом были его братья и чем занимались, не рассказывал никогда. О тех, кто остались живы после войны, мы и так знали, о тех, кто погибли на войне, не знали ничего.

Отец чудом остался жив. Их в семье было шесть братьев, трое погибли на фронте или умерли от ран в госпиталях, трое пережили войну, из них старший брат, он не воевал, он был уже стар, но зато воевали два его сына. Другой мой дядя окончил войну полковником в знаменитой Кантемировской танковой дивизии, был ранен, имел много наград.

Самый радостный праздник моего детства – День Победы. Было ещё два месяца до окончания войны, день и ночь шли и шли эшелоны на восток, на Дальний Восток на намечаемую войну с Японией. Эшелоны с сотнями тысяч солдат, тысячами танков и орудий шли и шли через нашу станцию. Но уже повсюду пахло весной и... победой.

Открылся парк железнодорожников. Каждый вечер танцы под духовой оркестр, молодые солдаты и офицеры, мужчины и женщины в зелёной форме и пилотках с проходящих и стоящих на путях эшелонов. Как оказалось, а до этого мы их не замечали, в нашем парке на берёзах было много майских жуков. Мы их набирали пригоршнями и запускали в волосы танцующим, а потом убегали через дыры забора и или под деревянный настил танцплощадки. Но куда большим удовольствием было смотреть на танцующих красивых молодых людей.

И вот однажды небо раскололось разрывом ракет и автоматными очередями. На путях было более пяти эшелонов с платформами и теплушками, и со всех стреляли. Сначала мы думали, что снова началась война, но это был салют Победы. Радости не было предела.

Не сгоревшие ракеты падали куда попало, везде валялись патроны от винтовок и автоматов, которые не выстрелили – дали осечку. Мы, дети, их собирали и вечером, когда стемнеет, кидали в костёр, а сами прятались, где кто сумеет. Грохот взрывов ракет, свист пуль и фейерверк приводил нас в восторг, но много было и покалеченных: детей ослепляло, выбивало глаза и даже убивало от таких развлечений.

Победа была радостью для всех. Отец впервые собрал дома своих друзей и сослуживцев, меня пригласили за стол, и дали выпить первую в жизни рюмку водки. Не помню, выпил ли я, но то, что она была противной на вкус, помню точно. Но она не убавила моей и общей радости от Победы и неограниченной возможности вкусно поесть за праздничным столом впервые за пять лет. Моё поколение, прожившее детьми войну, помнившее бесконечные военные и долгие послевоенные голодные годы, всегда радовалось праздникам, и в том числе возможности от души вкусно и хорошо покушать.

В клубе железнодорожников шли фильмы, довоенные комедии и «Чапаев», военные комедии, драмы и трагедии. Мне на всю жизнь запомнился эпизод из фильма, где немцы берут всю кровь у детей, и дети умирают, и другой фильм про подводников, их тяжёлую работу и непрерывный подвиг.

Я помню, что рассказывал маме о фильме, в котором подводники перестукивались азбукой Морзе. Мама заплакала и сказала, что это сигнал SOS, она до замужества работала на центральном московском телеграфе и знала азбуку Морзе. Я помню, что у отца в конторе у диспетчера стоял такой аппарат и ленточки бумаги с точками и тире. Северо-Муйские огни №5 (63) сентябрь-октябрь 2017 год

Кончилась война, мама сказала, что в Москве пришёл домой с войны её брат, мой дядя. Нашёлся мамин папа – мой дедушка – он был очень старенький и в молодости воевал с японцами в 1905 году, потом в Первую мировую войну и революцию. Мама рассказывала, что то ли во время войны с японцами, то ли после неё, он жил в казармах на станции Военный городок, находящейся между станцией Иркутск пассажирской и Иркутск сортировочной.

Потом случилась беда: мама варила пойло корове и свиньям, не удержала и опрокинула себе на ноги бак, в котором было три или четыре ведра и удержать его было нелегко. Маму на некоторое время положили в больницу, возможно отцу кто-то помогал по дому, но ему многое приходилось делать самому, даже доить корову. Мама выздоравливала тяжело и долго, и отец отдал нас в разные детсады. В детсаду запомнилось мне полуголодное существование. Воспитательница и нянечка решили меня научить держать ложку правой рукой, а я был левша. Съесть даже то, что мне дают, я совсем не успевал, как со стола еду убирали.

Кончилась война, жизнь незаметно налаживалась, отец купил мне зимнее пальто в школу, а я на санках стал в нём кататься с горки и вывалился в снег, за что отец сурово меня отчитал. Кровавая война и неизбывное горе – потеря родителей – изменили его, он стал суровым не улыбочивым человеком.

На работе у отца тоже было непросто: свирепствовало КГБ, поэтому существовала постоянная непосредственная угроза жизни. Необходимость контролировать каждый поступок, каждое слово была нелёгким испытанием.

Незабываемое впечатление произвело на меня посещение вместе с отцом токарного и кузнечного цехов. Сейчас у меня об этом остались смутные воспоминания. Здание цеха, сложенное из бутового гранитного камня, с расшивкой швов из белой извести валиком, с арками над окнами из красного, хорошо обожженного клинкерного кирпича, было очень красивое, такое же здание путеизмерительной станции я потом увидел на станции Иркутск II. Сначала мы вошли в помещение, в котором стояли два локомотива – это такие поровые машины, с котлами и топкой, в которой горел уголь, только вместо паровозных колес поршень вращал громадное, около двух метров в диаметре колесо маховика.

На маховик была надета широкая резинотканевая лента, уходящая в отверстие в кирпичной стене. Один из локомотивов пытел и дымился, и рабочий – кочегар периодически подбрасывал в него уголь лопатой. Войдя с отцом в помещение, куда уплывала лента, я был ошеломлён увиденным. Оказывается, лента локомотива вращала расположенные по всему цеху валы.

От основных валов дальше по всему цеху были протянуты ленты поменьше, к ним были присоединены валы токарных станков или другие передающие валы. От них приводились в движение ленты, которые передавали движение вглубь цеха до противоположной стены, где также стояли станки. Существовали специальные приспособления, включающие и отключающие приводы станков и валов. Поскольку значительная часть лент двигалась, главной моей задачей было меньше шевелиться, так как одно неосторожное движение могло привести к тому, что одежда или руки могли быть втянуты лентами, занимающими всё пространство цеха, под эти приводы и валы. Процент травматизма в цехе был велик.

Насмотревшись, мы прошли в кузнечный цех, в котором стояло два паровых молота, и было два или три горна для разогрева металла. Черновые изделия – поковки – разогревались в горнах, где постоянно пылало пламя, до красна. Кузнец брал большими клещами раскалённую поковку и устанавливал её на наковальню, молот стучал по заготовке, а кузнец клещами поворачивал её с боку на

бок, стараясь придать ей необходимую форму и размеры. Кроме паровых молотов в цехе было две наковальни, на которых в случае необходимости можно было обработать изделие вручную кувалдой. В любом случае это был тяжёлый, но красивый труд, и я был восхищён работой кузнецов.

Мы жили в Тайшете, последнее перед отъездом лето, когда отец отправил меня первый раз в санаторий в город Нижнеудинск. Потом я ещё раз там отдыхал, но уже в пионерлагере, и ездил на поезде из Иркутска II, но сейчас мне помнятся эти поездки как одно целое. Приехали мы в Нижнеудинск на поезде целой группой, нас сопровождали несколько воспитательниц.

Нижнеудинск – небольшой городок – плоско лежал в низине в болотистой местности перед величественным отрогом Саянских гор. На чём мы добирались, на подводах или на машине, до санатория, расположенного у самого подножья этих гор, не помню.

Мылись мы в какой-то деревянной баньке, где на огромных камнях стоял большой бак литров на двести. Под баком разводили костер из деревянных брёвен, дым уходил в отверстие на потолке, поэтому бак и камни были чёрные от сажи, в бане было тепло, но дым ел глаза. Нам наливали в таз кипятка и холодной воды, и мы мылись, кто как умел, сидя на лавочках вдоль стен, затем нас ополаскивали горячей водой из ковша, и мы довольные выскакивали на улицу, не успев как следует вытереться, здесь и там вымазанные сажей.

Однажды наш отряд пошёл гулять, наверное, вместе с вожатыми в лес на гору. Сначала мы шли вдоль реки, потом свернули направо и ещё раз направо, на склон горы. Поднявшись на вершину, прошли к гольцам и стали на краю. Гольцы представляли собой огромные камни, которые выпирали из горы и стояли как кубики, размером каждый с двухэтажный дом. Под нами было метров 300-400, а некоторые из скал возвышались выше нас, выше относительно плоской вершины горы, на которой мы стояли, метров на 30-50.

С горы открывался вид на равнину, на речку, которая извивалась тоненькой причудливо извилистой ниточкой наискось через всю долину или разливалась на множество рукавов, образуя красивые острова и островки. Виднелись маленькие домики Нижнеудинска с покосившимися заборами огородов, на которых росла картошка и другие овощи, на зелёную бескрайнюю тайгу и ниточку железной дороги, на далёкие сверкающие вершины величественных Саянских гор.

Мне навсегда запомнилась картина дикой природы, невиданной, изумительной красоты, моей суровой и любимой родины – Сибири.